

Записки крѣпостной.

I.

крѣпостная дѣвка господъ Болотиныхъ¹⁾. Наши господа были важные, — старый баринъ, Петръ Георгіевичъ, своимъ дочерямъ часто рассказывалъ, что ихъ дѣдушка, Георгій Николаевичъ, при царицѣ Екатеринѣ Алексѣевнѣ жилъ во дворцѣ и былъ у нея въ большой чести. Послѣ же царицыной смерти баринъ Болотинъ не захотѣлъ уже никому больше служить — пріѣхалъ въ свое село „Дубовое“ и жилъ въ немъ до самой смерти. Передъ смертью, Георгій Николаевичъ церковь въ селѣ выстроилъ въ честь Георгія Побѣдоносца и Екатерины Великомученицы, и до сихъ поръ, каждое воскресенье, священникъ за заупокойной эктенией поминаетъ строителя храма боярина Георгія. Дворовые же, древніе старики, про барина Георгія Николаевича еще и другое рассказывали — что онъ былъ лютъ и поролъ не только своихъ крестьянъ, но и сосѣдей помѣщиковъ. Полиція къ нему на дворъ не смѣла и носа показать — для полицейскихъ и для всѣхъ непрошенныхъ гостей у него стояло на цѣпи два медвѣдя и шесть охотничьихъ собакъ. Когда лакеи барину докладывали, что къ нашимъ главнымъ воротамъ становой или исправникъ подѣхалъ, баринъ сейчасъ же приказывалъ выпустить на дворъ собакъ; а тѣ были ученыя — человѣка не укусятъ, но за то его до смерти напугаютъ и платье на немъ въ клочья разорвутъ.

Передъ смертью, Георгій Николаевичъ началъ о своихъ грѣхахъ сокрушаться и не могъ помереть до тѣхъ поръ, пока не призвалъ къ себѣ всѣхъ своихъ крестьянъ и не попросилъ у нихъ прощенья.

¹⁾ Фамиліи всѣ измѣнены.

Нашъ старый баринъ, Петръ Георгіевичъ, характеромъ вышелъ не въ своего папеньку—этотъ баринъ былъ тихій, боязливый и до крестьянъ жалостливый. Женился онъ уже не молодымъ, лѣтъ со-рока, на черкесской княжнѣ, Варварѣ Ивановнѣ, изъ себя она была красавица, а сердце имѣла жестокое.

Послѣ своей женитьбы, нашъ баринъ началъ свою жену во всемъ слушаться, и для нашихъ крестьянъ жизнь пошла уже горькая.

По зимамъ (много лѣтъ) наши господа жили въ Москвѣ, а весной, когда расцвѣтала черемуха, они со всѣми своими дѣтьми и прислугой пріѣзжали въ Дубовое и жили въ немъ до первыхъ заморозковъ...

Въ господское село я была взята пяти лѣтъ. Мои родители были крестьяне; родилась я въ деревнѣ, въ четырехъ верстахъ отъ господской усадьбы. Когда въ одну недѣлю у меня померли отецъ съ матерью, въ нашу избу пришелъ староста, взялъ меня на руки, принесъ въ господское село и отдалъ бабушкѣ Устинѣ, которая жила на скотномъ дворѣ.

У нашихъ господъ былъ заведенъ такой порядокъ, что сиротъ, кто бы ты ни былъ: дѣвкинъ ли подкидышъ, или законный крестьянскій ребенокъ, всѣхъ брали на господскій дворъ и за ними присматривала бабушка Устинья. Бабушку я помню уже древней старухой, но еще работающей: лѣтомъ и зимой она помогала скотницамъ обрывать господскихъ коровъ; а когда въ избѣ зажигали лучину, бабушка садилась на лавку и на прялкѣ прядла господскій ленъ, или же на веретенѣ сучила нитки.

Изба наша раздѣлялась низкой заборкой на двѣ половины, на одной висѣла люлька на оципѣ, гдѣ спали маленькіе ребятишки, а мы, которые были постарше, валялись на полу, на соломѣ; на другой половинѣ избы стояли телята, ихъ отпаивали на убой и отправляли господамъ въ Москву. Мы, ребятишки, любили смотрѣть, когда бабушка однихъ телятъ поила молокомъ, а другіе возлѣ нея прыгали. Днемъ, старшіе ребятишки нянчили младшихъ и жить намъ было хорошо. На насъ сиротъ шла мѣсячина: мѣра ржи, мѣра гречневыхъ крупъ и полагалось каждый день, отъ господскихъ коровъ, двѣ кринки парного молока.

Пока наши господа не жили въ селѣ, мы бѣгали не только по всему двору, но и по господскому саду. Когда же весной, нашъ управляющій, Никаноръ Савельевичъ, открывалъ въ барскомъ домѣ окна, мы, бывало, обступимъ его и просимъ показать намъ господскія комнаты и такъ ему, въ другой разъ, надоѣдимъ, что онъ и скажетъ:

— Идите, поросята, за мной, только уговоръ лучше денегъ— ни до чего руками не касаться. Никаноръ Савельевичъ былъ для насъ, сиротъ, добрый; онъ и самъ, на своемъ вѣку, много горя видѣлъ—лѣтъ пятнадцать при господахъ лакеемъ состоялъ, когда же отъ барыниныхъ оплеухъ оглохъ, баринъ его прислалъ къ намъ управляющимъ. У насъ же, ребятишекъ, отъ радости и ушки на макушкѣ, что Никаноръ Савельевичъ намъ позволяетъ идти за нимъ и, когда со скотнаго двора мы попадали въ барскія хоромы, то ужъ думали, что попали прямо въ рай. Господскій домъ былъ большущій, комнаты свѣтлыя, полы паркетныя, въ залѣ колонны мраморныя и мебель вся золоченая.

Никаноръ Савельевичъ показывалъ намъ не однѣ только комнаты, онъ выводилъ насъ и на балконъ, а ихъ было цѣлыхъ четыре—съ одного была видна; на горѣ, дубовая роща, а подъ горой вилась бѣлой лентой не широкая рѣка; съ другого балкона была видна церковь съ золотыми главами и поле, куда мы лѣтомъ бѣгали за васильками, съ третьяго — большая дорога, усаженная дубнякомъ; четвертый же балконъ выходилъ на дворъ.

Наши господа, два лѣта подрядъ, въ свое село не приѣзжали, на третье къ управляющему отъ барина пришло письмо, что баринъ съ барыней надумали совсѣмъ перебраться жить въ Дубовое.

„Осмотри, Никаноръ—писалъ баринъ—хорошенько весь домъ, чтобы въ немъ намъ можно было жить не только лѣтомъ, но и зимой“. Тутъ началась спѣшка. На нашъ дворъ нагнали мужиковъ и бабъ; мужики расчищали запущенный садъ; а бабы, на дворѣ, травку выщипывали. Никаноръ Савельевичъ ходилъ по всему дому съ молоткомъ и всѣ стѣны остукивалъ; въ кабинетѣ замѣтилъ, что одна стѣна треснула и выдалась впередъ; онъ, сейчасъ же, послалъ въ городъ нарочнаго за каменщиками; когда же тѣ стали ломать стѣну, то увидѣли между кирпичами замуравленнаго человѣка. Каменщики испугались, побросали работу и прибѣжали къ управляющему.

— Нужно—говорять—Никаноръ Савельевичъ, за священникомъ послать. Управляющій самъ побѣжалъ къ отцу Василю. Нашъ священникъ былъ древній старичекъ и помнилъ отца нашего барина.

Когда отецъ Василій увидѣлъ въ стѣнѣ человѣческія кости, то перекрестился и сталъ молиться.

— Упокой, Господи, убіеннаго, раба твоего, имя его Ты, Господи, всѣси... Потомъ, указалъ намъ на большой, въ золотой рамѣ портретъ красиваго барина, съ сѣдыми кудрявыми волосами и сказалъ:

— Это строитель нашего храма, бояринъ Георгій, я помню, какъ онъ своихъ крестьянъ до смерти засѣкалъ. Господь одинъ

вѣдаетъ грѣхи людскіе; а мы православные помолимся за обонхъ— за убіеннаго и за болярина Георгія. Послѣ панихиды священникъ приказалъ вынуть изъ стѣны кости, сложить ихъ въ одинъ ящикъ и нести на кладбище; а самъ, какъ былъ въ ризѣ и съ кадиломъ въ рукахъ, пошелъ впереди.

Въ этотъ же день Никаноръ Савельевичъ собралъ насъ всѣхъ дворовыхъ и строго наказалъ, чтобы обо всемъ, сегодня случившемся, мы свои языки держали на привязи.

II.

Управляющій опять получилъ письмо, что наши господа пріѣдутъ въ Троицу.

Къ этому дню мы стали и готовиться. Наканунѣ дворъ усадили нарѣзанными въ лѣсу молодыми березками, а въ Троицу, чтобы не прозѣвать пріѣзда господъ и успѣть имъ поклониться, всѣ наши калѣки и старики, съ ранняго утра, высыпали на дворъ. Въ этотъ день изъ дворовыхъ мало кто и къ обѣднѣ ходилъ, пошли только тѣ, у кого были деньги, чтобы подать за здравіе барина, барыни и всѣхъ ихъ сродниковъ, а потомъ вынутыя просфоры поднести господамъ.

Никаноръ Савельевичъ забралъ насъ всѣхъ, ребятишекъ, съ собою въ садъ и каждому наломалъ по большому букету сирени, потомъ поставилъ насъ по обѣимъ сторонамъ господскаго крыльца, чтобы мы эти букеты подали нашей барынѣ, Варварѣ Ивановнѣ, когда та выйдетъ изъ экипажа...

Господа наши пріѣхали, только послѣ обѣда.

Мы всѣ еще стояли съ цвѣтами у крыльца, когда на дворъ влетѣли два экипажа, каждый изъ нихъ былъ запряженъ четверкой лошадей.

Въ одномъ экипажѣ сидѣли баринъ съ барыней. Петръ Георгиевичъ уже и тогда былъ старый, какъ лунь сѣдой, да и барыня Варвара Ивановна была не молодая, хотя изъ себя еще видная, похожая больше на мужчину, чѣмъ на женщину—у нея были порядочные усы. Напротивъ старыхъ господъ сидѣли молодой баринъ Егоръ Петровичъ и младшая дочь Софья Петровна, а старшая дочь, Прасковья Петровна, съ гувернанткой Анной Васильевной и съ няней Ольгой Ивановной, пріѣхали въ другомъ экипажѣ.

Когда мы, дѣти, подавали наши букеты барынѣ, Варварѣ Ивановнѣ, она гладила насъ по головѣ; и въ это же время разговаривала съ бабушкой Устиньей, на которой по случаю праздника и

пріѣзда господъ былъ надѣтъ желтый нанковый шугай, въ которомъ она еще и вѣнчалась.

Барыня разспрашивала бабушку, сколько у нея въ эту зиму прибыло сиротъ и сколько осталось живыхъ телятъ.

Старый баринъ приказалъ лакею вынуть изъ экипажа дорожный погребецъ и тутъ же, на крыльцѣ, угощалъ дворовыхъ мужиковъ водкой.

На старыхъ господъ я мало смотрѣла, занимали меня—молодые. Обѣ барышни были въ соломенныхъ круглыхъ шляпкахъ и желтыхъ бурнусахъ.

Старшей барышнѣ шелъ тогда четырнадцатый годъ, изъ себя она была худощавенькая, а только пріятная и кланялась дворовымъ съ умильной улыбочкой; она намъ всѣмъ очень понравилась.

Младшей барышнѣ Софьѣ Петровнѣ было девять лѣтъ, лицо у нея было все обметавши золотушкой; говорили, что она хвора и ее изъ экипажа лакей на рукахъ вынесъ и поставилъ на крыльцо; барышня вдругъ чего-то раскапризничалась и къ ней подбѣжала немолодая гувернантка, Анна Васильевна; и было слышно, какъ она барышнѣ сказала:

— Не хорошо, Сонечка, капризничать—на васъ ваши крѣпостные люди смотреть.

Барышня еще больше закапризничала, начала на насъ, дѣтей, плевать; а на гувернантку топала ногой.

Молодой баринъ, Егоръ Петровичъ больше всѣхъ въ экипажѣ замѣшкался; на нихъ была надѣта черная курточка и фуражка съ краснымъ околышкомъ, имъ тогда было шестнадцать лѣтъ, изъ себя баринъ былъ, что картина: высокій, тоненькій, брови черныя колесомъ, лицо продолговатое и розовое.

Мимо дворовыхъ молодой баринъ прошелъ гордо, словно и не видѣлъ, что имъ весь народъ кланяется, только разъ обернулся, чтобы свистнуть своей лохматой собакѣ и, играя тросточкой, вошли въ комнаты.

III.

Съ тѣхъ поръ, какъ господа переѣхали жить въ село, у насъ и на дворѣ стало веселѣе.

Теперь я часто бѣгала въ людскую, посмотрѣть на лакеевъ и на горничныхъ, а также чтобы подслушать ихъ разговоръ о нашихъ господахъ. Барыню, Варвару Ивановну, прислуга не хвалила—на руку была очень дерзка и не только била сама прислугу, но и своего мужа ругала, зачѣмъ тотъ людей не колотить. Старый ба-

ринъ былъ тихій, драться не любилъ, а когда его жена на кого-нибудь науськаетъ, онъ къ тому человѣку съ клюкой выйдетъ, стучить ею объ полъ и кричить до тѣхъ поръ, пока не охрипнетъ; а его никто и не боится—знаютъ, что онъ только покричитъ, а драться не станетъ.

Барыню люди осуждали и за то, что она своихъ старшихъ дѣтей не любила, а только не наглядится на свою младшую дочь. Сынъ матери не боялся и спуску ей ни въ чемъ не давалъ; мать даже сама Егора Петровича побаивалась, а старшую свою дочь, Прасковью Петровну, барыня, какъ крѣпостную дѣвку, оплеухами кормила и все за то, что та заступалась за горничныхъ дѣвокъ. Младшую Софью Петровну вся прислуга ненавидѣла,—эта барышня была злая, капризная и при ней лишняго слова не скажи,—сейчасъ маменькѣ перескажетъ и людей подъ розги подведетъ. Молодого барина, Егора Петровича, горничныя, хоть и любили за красоту, а жаловались, что у него ласки тяжелыя—если щипнетъ, такъ съ вывертомъ, а хлыстомъ стегнетъ, такъ на тѣлѣ кровавый рубецъ останется и съ простымъ народомъ молодой баринъ держалъ себя гордо, съ горничными, еще бывало, посмѣется, а лакей отъ него другого слова не жди, какъ „прими, да подай“. Когда разъ шелъ разговоръ, между прислугой, о молодомъ баринѣ, въ него вмѣшался и нашъ управляющій.

— Лицомъ, Егоръ Петровичъ,—сказъ Никаноръ Савельевичъ—похожъ, какъ двѣ капли воды, на портретъ своего дѣда Георгія Николаевича и характеромъ онъ будетъ такой же, какъ его дѣдъ. Тотъ засѣкалъ людей до смерти; а этотъ, восьми лѣтъ отъ роду, со злости, чуть меня не сжегъ. Тогда я былъ его дядькой и намучился же я съ нимъ, я не смѣлъ ни остановить его, ни барынѣ на него пожаловаться. Разъ, въ дѣвичьей, онъ подъ пальцы залѣзъ и началъ дѣвкамъ босыя ноги булавами колоть; дѣвки плачутъ и не знаютъ, что и дѣлать—пожаловаться барынѣ—не смѣютъ,—та сына не остановитъ и имъ же оплеухъ надаетъ. Тутъ я вошелъ въ дѣвичью, и дѣвки мнѣ взмолились:

— Возьмите, Никаноръ Савельевичъ, изъ-подъ палецъ барченка, онъ намъ всѣ ноги въ кровь искололъ.

Я вытащилъ барченка изъ-подъ палецъ и взялъ его за ухо.

— Идите, говорю, жальтесь на меня вашему папенькѣ и маменькѣ.

Потомъ, я цѣлый день ждалъ оплеухъ отъ барыни, а вышло—другое.—Въ этотъ же день, въ сумерки я прилегъ, въ лакейской, на кожаный диванъ и вздремнулъ. Къ счастью, я скоро проснулся и чувствую, что головѣ моей горячо, а въ комнатѣ—смердь, словно

отъ жженныхъ волосъ. Схватился я за голову—она вся въ огнѣ, я скорѣй—съ дивана подушку и ею огонь на головѣ и потушилъ. Потомъ думаю, откуда взялся у меня огонь на головѣ, оглянулся кругомъ и вижу, за шкафомъ стоитъ барченокъ, смотритъ на меня и смѣется; а у самого въ рукахъ коробка сѣрянокъ.

Послѣ такихъ разказовъ, я стала молодого барина бояться, а смотрѣть на него мнѣ все таки хотѣлось; для этого я бѣгала къ забору господскаго сада—спрячусь въ кустахъ и смотрю, какъ въ липовой аллеѣ Егоръ Петровичъ учить свою собаку поноску носить. И помытарился же онъ надъ собакой.—Въ рукахъ у молодого барина была плетка съ желѣзнымъ концомъ, какъ этой плеткой хватить собаку, такъ кровавую полосу на бритомъ задѣ и оставитъ. Сохрани Богъ, если собака огрызнется или зубы покажетъ; тутъ Егоръ Петровичъ и начнетъ ее со всей силы полосовать; а собака только визжитъ и воетъ. Наконецъ, баринъ устанетъ и плетку броситъ на землю, съ минуты двѣ походить по дорожкѣ, потомъ подзоветъ спрятавшуюся въ кусты собаку и начнетъ ее ласкать.

Когда, бывало, молодой баринъ бьетъ собаку, у меня отъ страха ноги и руки трясутся, а отъ забора все же не отхожу и на другой день опять сюда прибѣгу и жду молодого барина.

Егоръ Петровичъ, другой разъ, съ ружьемъ въ садъ приходилъ птицъ стрѣлять и больше любилъ подстрѣлить птицу, чѣмъ ее сразу убить; когда птица упадетъ на землю и еще трепещетъ крыльшками, молодой баринъ наклонится къ ней, смотритъ на нее и смотритъ такъ, словно любитъ, потомъ, схватитъ птицу за ноги, встряхнетъ ее и швырнетъ за заборъ. Такъ баринъ убилъ и моего кота...

Васька повадился бѣгать за мной къ господскому саду, пока я стою у забора, котъ на него заберется, сидитъ и грѣтся на солнышкѣ.

Сначала молодой баринъ Ваську вѣрно не замѣчалъ и вдругъ разъ въ мою сторону—прицѣлился и выстрѣлилъ. Котъ, какъ снапъ, свалился въ садъ, а мнѣ показалось, что Васька соскочилъ съ забора; когда же молодой баринъ поднялъ его за ноги и швырнулъ ко мнѣ на дворъ, я догадалась, что Васька убить, подбѣжала къ нему.

Вижу, у кота глаза, какъ у рака, выпучены, я какъ заору во все горло.

Баринъ меня увидѣлъ и кричитъ:

— Иди сюда, хорошенькая дѣвочка, иди ко мнѣ!

Я схватила въ подолъ кота и давай Богъ ноги и, не оглядываясь, добѣжала до скотнаго двора.

Вскорѣ послѣ этого, Егоръ Петровичъ уѣхалъ въ Петербургъ

доучиваться и лѣтъ семь или восемь въ свое село „Дубовое“ и глазъ не показывалъ.

IV.

Въ первую же зиму, послѣ прїѣзда господъ, меня взяли въ комнаты.

Разъ, барышня, Софья Петровна, гуляла по двору со своей гувернанткой; я имъ попалась навстрѣчу и поклонилась. Барышня подозвала меня къ себѣ, спросила, гдѣ я живу и какъ меня зовутъ я, тутъ же, сказала своей гувернанткѣ:

— Я съ этой дѣвочкой хочу играть у себя въ комнатѣ.

Въ этотъ же день вечеромъ, когда бабушка Устинья еще пряла, а мы, ребяташки, набѣгавшись досыта по двору, уже крѣпко спали вповалку на полу, бабушка услышала, что кто-то, въ сѣняхъ, рукой по стѣнѣ шарить—дверь ищетъ.

Бабушка встала и отворила дверь.

Въ избу вошла, въ большомъ платкѣ, горничная Аксюта и сказала, что она прислана отъ барыни за сиротинкой Акулькой, которая, сегодня, полюбилась барышнѣ Софьѣ Петровнѣ,—когда та гуляла по двору.

— Безъ твоей Акульки,—разсказывала Аксюта, барышня и спать не ложится, капризничаетъ и нянькѣ все лицо въ кровь испарала,—хочу—говорить,—чтобы Акулька, какъ собачка, спала на полу, возлѣ моей кровати.

Бабушка сейчасъ же меня растолкала и на ноги поставила; я же, со сна, стою, какъ дура и, ничего не понимаю... Бабушка мнѣ косу заплела, Аксюта достала, изъ подъ своего платка, барышнино старенькое платье и вмѣстѣ съ бабушкой это платье на меня и надѣли.

Я какъ увидѣла, что на мнѣ розовое платье съ двумя оборками, такъ обрадовалась, что сонъ съ меня сразу соскочилъ. Аксюта взяла меня за руку, и мы пошли изъ избы. Я слышала, какъ по мнѣ завывала бабушка, словно по покойницѣ.

На дворѣ былъ морозъ, а на мнѣ кромѣ ситцеваго платья ничего не было. Когда же Аксюта прикрыла меня своимъ большимъ платкомъ, идти стало не ловко и тогда мы, чтобы согрѣться, пустились бѣжать взапуски. Отъ бѣгу мнѣ даже жарко стало...

Когда мы пришли въ господскій домъ, Аксюта ввела меня въ комнату, къ барышнѣ Софьѣ Петровнѣ; та лежала въ кровати и еще не спала; нянька стояла—въ ногахъ и уговаривала ее не ка-

призначать. Барышня была ногами и руками по рѣшетчатой заборкѣ своей кровати и кричала:

— Приведи ко мнѣ Акульку, приведи Акульку!

Когда я съ Аксютой вошла, няня Ольга Ивановна барышнѣ сказала:

— Посмотри, Сонечка, вотъ стоитъ и твоя Акулька.

Барышня поднялась на постель, взглянула на меня сонными глазами и, не сказавъ ни слова, опять легла, обернувъ свое личико къ стѣнѣ. Теперь, Ольга Ивановна уже шепотомъ со мной заговорила:

— Барышня сейчасъ заснетъ; а ты, Акулька, сядь на стулъ и не шевелись.

Я сѣла на стулъ; а нянька загасила свѣчку. Сидѣть въ темнотѣ было скучно, и я стала прислушиваться къ голосамъ въ другой комнатѣ, дверь которой была не плотно приперта, въ щель былъ виденъ свѣтъ и мнѣ было слышно, какъ въ комнату вносили что-то тяжелое.

Вдругъ изъ этой же комнаты кто-то закричалъ:

— Нянька, гдѣ губка, которую я тебѣ велѣла высушить?

Ольга Ивановна схватила съ лежанки губку и сунула мнѣ въ руку.

— Снеси—говорить—барышнѣ въ спальню, вотъ въ эту дверь.

Когда я вошла въ спальню, мнѣ бросилась въ глаза большая зеленая ванна, стоявшая по срединѣ комнаты. Въ ванну два лакея наливали изъ ведеръ воду. Недалеко отъ нихъ, въ креслѣ, сидѣла наша барыня, она была совсѣмъ голая, только съ одной ноги еще не былъ снятъ чулокъ, и Аксюта, стоя передъ барыней на колѣнкахъ, развязывала тесемки отъ подвязки. Я барышнѣ поклонилась, подала губку и уже хотѣла уйти изъ комнаты, когда Варвара Ивановна меня остановила.

— Акулька—сказала она—вѣдь ты съ Устиньей нитки сучишь, вѣрно, умѣешь развязывать узлы; вотъ эта дура—и барыня ткнула ногой въ лицо Аксюты, такъ узелъ затянула, что его придется разрѣзывать.

Я припала лицомъ къ ногѣ барыни и въ одинъ мигъ, зубами, развязала узелъ. Когда я подняла голову, то въ комнатѣ увидѣла стараго барина.

Баринъ былъ въ бухарскомъ халатѣ, а въ рукахъ держалъ газету.

Лакеи тоже еще были въ комнатѣ и сутились возлѣ ванны.

Баринъ, сморщившись, обвелъ глазами всю комнату, взглянулъ мелькомъ на лакеевъ, на меня, потомъ глаза остановилъ на барышнѣ и ласковымъ голосомъ сказалъ:

— Ты, Варвара Ивановна, хоть бы простыню на себя на-кинула.

— Зачѣмъ? въ комнатѣ тепло—отвѣтила барыня.

-- Да видишь ли—замаялся баринъ и показалъ глазами на лакеевъ—тутъ на тебя мужчины смотрятъ.

— Какіе мужчины?—удивилась барыня.—Здѣсь мои крѣпостные лакеи, развѣ они смѣютъ на меня, на ихъ барыню, смотрѣть! они же для меня все равно, что вотъ эти два стула.

Баринъ пожалъ плечами, взялъ со стола свѣчку и пошелъ вонъ изъ комнаты.

И надо правду сказать, наша барыня, Варвара Ивановна была безстыжая—она при лакеяхъ не только голая показывалась, а даже все при нихъ дѣлала...

Съ этого вечера, я такъ и осталась жить въ комнатахъ. Сначала играла въ куклы съ барышней Софьей Петровной, а когда ту начали учить грамотѣ и чтобы пріохотить ее къ ученью, и я съ нею училась читать и писать; а по вечерамъ, когда въ гостиной зажигали лампу, барыня со старшей дочерью сидѣли возлѣ стола и работали; гувернантка Анна Васильевна учила Софью Петровну танцевать, тогда и меня вмѣстѣ съ ней она заставляла стоять въ позиціяхъ и выдѣлывать па.

Софья Петровна учиться не любила и часто не знала своего урока, за это не ее наказывали, а меня. Барыня зажметъ мою голову въ своихъ колѣнкахъ и сѣчетъ до крови. Прасковья Петровна, изъ-за меня, со своей матерью часто ругались.—Стыда—скажетъ — у васъ, маменька, нѣтъ—сестра Соня лѣнитса, а вы Акульку сѣчете.

Барыня ей въ отвѣтъ такую влѣпнеть оплеуху, что бѣдная барышня потомъ долго ходитъ съ подвязанной щекой.

Гувернантка, Анна Васильевна, тоже меня жалѣла, а слово сказать за меня боялась, только когда барыня изъ комнаты уйдетъ, а я горькими слезами обливаюсь, гувернантка подойдетъ ко мнѣ и потихоньку отъ Софьи Петровны сунетъ мнѣ въ руку конфетку или пряникъ.

Разъ Софья Петровна это увидѣла и сосплетничала своей маменькѣ, а та прибѣжала къ Аннѣ Васильевнѣ и говорить:

— Вы меня не понимаете, я оттого Акульку сѣку, чтобы Сонечку за лѣность пристыдить, и этимъ я бужу въ моей дочери благородныя чувства.

Барыня не правду говорила, не потому она меня сѣкла, чтобы моими слезами барышню пристыдить, а сѣкла оттого, что сама любила до страсти сѣчь дѣтей. Это всѣ знали и видѣли—барыня,

бывало не дастъ подойти къ забору ни одному мальчику, ни дѣвочкѣ, чтобы не придраться къ нимъ, что они съ кустовъ ягоды щиплютъ, прикажетъ садовнику дѣтей въ садъ загнать и собственноручно до тѣхъ поръ сѣчетъ, пока ребенокъ отъ крику посинѣетъ, или, обомлѣвши, перестанетъ кричать. За то ребятишки нашу барыню, какъ огня, боялись и изъ-за этого страха, разъ такой вышелъ случай, послѣ котораго наша барыня и присмирѣла.

Дѣло было такъ: господская столовая окнами выходила въ садъ.

Въ хорошую погоду наша барыня любила пить чай у открытаго окна и разъ налила она себѣ чашку чаю, взяла со стола изъ корзинки сдобную булочку и сѣла у открытаго окна.

Въ это время, въ саду недалеко отъ дома, мальчикъ Сережка помогаль садовнику пересаживать на клумбѣ „штокъ-розы“. Садовникъ куда-то пошелъ, а Сережка одинъ остался и смотрѣлъ, какъ барыня пьетъ чай. Сережка былъ сирота и жилъ на скотномъ дворѣ у бабушки Устиньи. Съ прїѣздомъ въ село господъ, сиротамъ мѣсячину убавили, и теперь они всегда были голодные; даже старшія дѣти въ деревнѣ по воскресеньямъ милостыню собирали, и Сережка, какъ бывало увидить меня въ саду, такъ и просить:

— Принеси мнѣ, Акулька, хоть корочку хлѣбца,—смерть ѣсть хотца.

И теперь, когда барыня, на глазахъ у Сережки, ѣла сдобную булку и ее запивала чаемъ со сливками, онъ, какъ голодная собака, глазъ съ нея не спускалъ. Тутъ, какъ на грѣхъ, барыня изъ столовой зачѣмъ-то вышла и свою недопитую чашку и недоѣденный кусокъ булки оставила на подоконникѣ. Сережкѣ было видно, что въ столовой никого нѣтъ, и что кусокъ булки лежитъ низко—изъ сада къ нему стояло только руку протянуть.

Сережка подбѣжалъ къ окну, схватилъ съ подоконника булку и не успѣлъ еще положить ее въ ротъ, какъ барыня опять вошла въ столовую; а Сережка такъ испугался, что даже забылъ спрятать булку—держитъ ее на виду въ рукахъ и самъ на барыню смотреть, какъ дуракъ.

— Ты, дрянъ, зачѣмъ мою булку укралъ?—спрашиваетъ барыня.

Сережка молчитъ и отъ страха только трясется.

Тутъ барыня увидѣла садовника и закричала:

— Авдѣй, наломай мнѣ розогъ!

Сережка только теперь опомнился и со всѣхъ ногъ бросился бѣжать.

А барыня изъ окна и кричитъ.

— Дѣвки, люди, ловите мальчишку!

Окна дѣвичьей, какъ и столовой, выходили въ садъ; мы видѣли

изъ окна, какъ Сережка укралъ булку, а также видѣли, какъ онъ стрѣлой помчался вдоль аллеи.

Когда барыня закричала, чтобы мы его ловили, Аксюта (она всегда была готова къ барынѣ подольститься) первая въ садъ изъ окна выскочила; а мы, чтобы отъ нея не отставать, тоже изъ окна повискакали и всѣ погнались за Сережкой; а тотъ не бѣжалъ, а летѣлъ, и передъ нашими глазами только мелькали его голыя пятки.

За нимъ мы гнались не однѣ, съ нами бѣжалъ и садовникъ Авдѣй.

Вдругъ Сережка свернулъ въ сторону и пропалъ съ нашихъ глазъ между деревьями.

И когда мы добѣжали до поворота, Сережки не было видно, только возлѣ забора, въ одномъ мѣстѣ была смята высокая, еще не скошенная трава.

Дѣвки смотрятъ на помятую траву и говорятъ:

— Ужъ не провалился ли Сережка на этомъ мѣстѣ?

А дяденька Авдѣй чешетъ въ затылкѣ и говоритъ:

— Неужли, онъ, лѣшій, въ этомъ самомъ мѣстѣ перелѣзъ черезъ заборъ; тутъ у самага забора—колодець; я съ нимъ еще сегодня изъ этого колодца на поливку огурцовъ воду черпалъ.

Потомъ Авдѣй обратился къ намъ, дѣвкамъ, и говоритъ:

— Я черезъ заборъ полѣзу, а вамъ, дѣвкамъ, черезъ заборъ не перелѣзть,—бѣгите къ колодцу кругомъ.

Мы еще до колодца не добѣжали, какъ Авдѣй ужъ намъ навстрѣчу попался—онъ со всѣхъ ногъ бѣжалъ за баграми и, не останавливаясь, намъ крикнулъ: Сережка сидитъ въ колодцѣ!..

Послѣднее время все шли дожди, и въ колодцѣ вода стояла до самага верха, теперь на ней вскакивали пузырьки, вскочить пузырькъ и пропадетъ.

Пока багры принесли и пока Сережку вытащили, онъ успѣлъ и Богу душу отдать.

Когда утопленника положили на холсты и начали качать, одинъ изъ лакеевъ замѣтилъ, что у Сережки что-то зажато въ кулачкѣ, разжали его, а тамъ кусочекъ булочки.

Тогда всѣ дворовые плакали и въ одинъ голосъ говорили:

„Погибъ человекъ изъ-за крошки булки“.

Сообщ. М. Е. Васильева.

(Продолженіе слѣдуетъ).

